

УДК 330.4+338.1

СТРУКТУРА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК

© В.Г. Бабаян

Babayan V.G. The structure of national economies. The article studies the interrelationship between a well-functioning national economy and the efficiency of small businesses based on a private initiative, which can quickly reorganise themselves in accordance with the demands of the day. It is noticed that defects of the home economy have historical roots and they are connected with the authorities' mistrust of private business undertakings.

Ранее отмечалось, что важнейшим условием выживания и успешной трансформации национальных экономик является конформационная подвижность экономических сегментов, т. е. их высокая мобильность, способность перестраивать пространство своей деятельности, наполняя его различным содержанием, удовлетворяющим настоящим и перспективным вызовам времени [1]. В связи со сказанным уместно процитировать В. Маевского: «Чтобы решить проблему местонахождения в экономике ее генетического уровня, а значит и проблему, где следует изучать свойства наследственности и изменчивости, необходимо по аналогии с биогенетикой выбрать ту сферу экономики, где происходит ее вещественное саморазвитие. Сфера генетического анализа, по крайней мере в технологическом аспекте, локализована рамками ее вещественного саморазвития, тех процессов, в которых зарождается очередной импульс развития экономики» [2]. Нам представляется, что такой сферой экономики является деятельность небольших фирм и малых предприятий (экономических сегментов) и состояние этих сегментов в различных отраслях является индикатором эффективности «вещественного саморазвития» и в то же время может информировать о трудностях и даже стагнационных процессах в экономике (как это было в СССР к 1985 г.). Вышесказанное можно переформулировать так: конформационная подвижность экономических сегментов является необходимым признаком здоровья экономики в целом.

Национальная экономика как саморазвивающийся объект, проявляя себя через эффективность сегментов, одновременно сама, используя систему различных связей, получает новое оформление за счет структурных трансформаций сегментов, способствующих повышению негэнтропии системы в целом [3]. Многочисленные данные статистического характера свидетельствуют о высокой активности малых и средних фирм в различных отраслях высокоразвитых и быстроразвивающихся стран (например, Китай), где доля дохода в ВВП малых фирм превышает 60 %, обеспечивая до 75 % рабочих мест [4]. В то же время известно, что национальная экономика России в лице своих чиновников сдержанно и с сомнением относится к частным мелким фирмам. При этом ссылаются на некий особый менталитет нации, на далекое и недавнее историческое прошлое России (начиная от Петра I), когда производ-

ственников рассматривался как мелкое правонарушение, а иногда даже косвенно поощрялось руководством, рассматривавшим эти факты как радение о благе государства и т. п. Вне зависимости от обстоятельств статистические данные свидетельствуют о том, что вклад в ВВП России от деятельности мелких и средних фирм крайне низок, находясь по разным оценкам на уровне 10–15 % [5].

Между тем, деловая активность мелкого и среднего бизнеса – это показатель общей «температуры» бизнеса в стране. Подразумевается при этом, что отмеченная сегментальная активность (подвижность) – это свидетельство высокой стабильности и потенциала развития экономики в целом. В статье [2] В. Маевский отмечает, что многие сторонники эволюционной теории в экономике не видят реальных перспектив эволюционного анализа на макроуровне, учитывая, что оно складывается из микроэкономических показателей, каждый из которых трудно вычленишь из агрегированных показателей. Между тем, если признать, что макропоказатели экономики сильно влияют и даже обеспечивают нормальную эффективность экономических сегментов, можно из прямого анализа результатов деятельности этих отраслей почерпнуть и важную и полезную информацию о преимуществах или, напротив, болезнях макроэкономики в целом. Одним из путей такого анализа могло быть проведение выборочного анализа среди хозяйствующих субъектов, например, так, как это проведено в КНР [4] для выявления отношения мелкого бизнеса к результатам собственной деятельности, взаимоотношениям с органами государственного надзора и т. п.

И. Рудакова отмечает использование в статистике ООН при определении конкурентоспособности стран – базирования экономик различных оценок, в том числе и качественных экспертных оценок, соответствующим образом квантифицированных. Абсолютно справедлива высказанная в статье мысль, что отставание нашей страны от быстроразвивающихся стран связано с недостатками в использовании «творческого потенциала людей, их способности совершенствовать свою деятельность, создавать новое знание» [6]. Представляется, что сказанное имеет отношение к традиционному за последнее столетие отставанию в развитии мелкого и среднего предпринимательства, на базе которого в свободной конкуренции происходит обкатка и провер-

ка индивидуальных способностей творческой личности. Если банковскую систему некоторые аналитики называют «кровеносной системой» экономики, то мелкое и среднее предпринимательство уместно было бы назвать «легкими» экономики, которые перерабатывают внешне невидимые как воздух материалы во вполне осязаемые и жизненно важные элементы экономики. В связи со сказанным, уместно отметить постоянно суждаемую на всех уровнях тему сельскохозяйственных хозяйств. Разорение крестьянства в результате гражданской войны, а главное, запретительные меры по частному землевладению, принятые в результате ложных экономических принципов, по существу, парализовали эту важнейшую отрасль экономики, которая сама являлась естественным источником существования миллионов мелких предприятий. Совершенно справедливо [6] указывается на опасность неверных установок на развитие экономики и на тот факт, что насыщенность экономики России малыми предприятиями удручающе низка [7]. Справедливости ради надо отметить, что даже не очень последовательные шаги к свободной рыночной экономике и демократии, сделанные в последнее время в России, показали, что в стране есть силы и энергия для ускорения развития на основе мелкого и среднего предпринимательства.

Все большее количество данных исторического характера во многих областях науки подтверждают результаты фундаментальных работ нобелевского лауреата И. Пригожина о том, что временные изменения больших систем нужно объяснять, используя эволюционные идеи Ч.Дарвина и второе начало термодинамики. Они устанавливают, что развитие биологических и иных больших систем нельзя понять, не признавая подвижности и изменчивости отдельных ее малых частей при сохранении бесконечно большей устойчивости целого. В некоторых случаях система (например, популяция) начинает отклоняться от равновесия и занимает состояние, определяемое с большей вероятностью, а следовательно, более хаотичное. После некоторого переходного периода при наличии обмена веществом и энергией с окружающей средой популяция может перейти в новое состояние, соответствующее новому уровню сложности, с большим содержанием информации об окружающей среде, т. е. более высокой негэнтропией. Согласно Пригожину, система больше не может описываться только с помощью значений переменных в данный момент времени, и для описания необходимо знать последовательность неустойчивостей, которые встречались в прошлом [8]. Эти утверждения имеют смысл и в экономике. Уместно процитировать В. Маевского: «Макротраектория экономической эволюции отражает рост в экономике отрицательной энтропии, т. е. усложнение социально-экономических связей, усиление организованности экономического развития» [2, с. 10].

Словами «структура экономических систем» нами обозначена структура в широком смысле слова, в том числе и временная, т. е. зависящая от времени рассмотрения экономических формаций, создаваемых в рамках маленьких фирм, объединений, корпораций отдельных стран или транснациональных корпораций. Математическую модель поведения экономических систем, содержащих огромное количество вертикальных и горизонтальных (поперечных) связей, простран-

ственно по-разному структурированных, имеющих «историческое» содержание, по-видимому, еще долго не удастся сформулировать. В связи с этим, выражаясь словами Пригожина, «различные языки и точки зрения на систему могут оказаться дополнительными». Нам казалось возможным и полезным использование для описания экономических структур физической модели объекта, обладающего свойством самопроизвольно менять структуру под действием внешних напряжений и сопротивляться этим воздействиям, способного за счет большой сегментальной подвижности к постоянному изменению своей структуры. В качестве такового в наибольшей мере подходила модель высокоэластичного материала [9]. В литературе, посвященной описанию этого состояния, предлагается много полуэмпирических представлений о природе высокоэластичности, механизме старения, строения сегментов, кристаллической фазы, т. е. высокоэнтропийной и низкоэнтропийной частей таких объектов. В последнее время этому вопросу уделяется большое внимание в связи с открытием в 1984 г. нового типа кристаллической структуры, отличающейся от классических кристаллов и затем обнаруженных во многих материалах и даже в живых объектах, получившего название квазикристаллов [10]. В целом, представления о природе прочности высокоэластичных материалов связаны со способностью материалов сопротивляться внешним воздействиям за счет большой конформационной подвижности сегментов при наличии ближнего и дальнего порядка во всем объеме, т. е. различных форм кристалличности.

Вские аналогии, однако, как известно, хромают. Применение такой модели – это, своего рода, агрегирование показателей, скрывающее эволюционные процессы роста, которые «зависят от наличия разнообразия, от соответствующего распространения или диффузии конкурирующих продуктов и методов производства» [11]. Попытки моделирования эволюции в экономике в духе необратимых неравновесных процессов, несмотря на известные трудности, связанные с новизной подходов, следует проводить, используя не только прямые поиски «генетических кодов» в национальных экономиках [2], но и более ясные исторически точки неравновесности в национальных экономиках, связанные, вероятно, с общекультурными проблемами, внешней агрессией и т. п. Представляется, что понятие о траектории экономической эволюции есть определенная идеализация реальных процессов и, более того, рост негэнтропии в одних странах может сопровождаться очевидным падением в других странах, например, в результате войн. Конкурентоспособность национальных экономик носит окраску их создателей, определяясь не только укладом, но и принципиальным внутренним подходом к выбору «точек роста» экономик. Структура экономик, на наш взгляд, является отражением структуры мышления их владельцев [3]. Можно согласиться с Г. Рузавиным, сожалеем о том, что теперь в России отмечается роль организации в развитии общества [12]. В работах известных экономистов слышны рекомендации по «созидательному разрушению», «избирательному развитию». Содержательной стороной этих рекомендаций является очевидная обеспокоенность тем, что деловая часть российского общества медленно отказывается от устаревших технологий (часто многоотходных, очень энергоемких)

в пользу новых технологий, отражающих новые научные представления, менее затратные, менее энергоемкие, безотходные, приближающиеся к комплементарным биологическим процессам.

Полноценно развивающаяся экономика должна быть устойчивой при внешних возмущениях разного рода, иметь большую сегментальную подвижность, позволяющую ее создателям сознательно конструировать новые более устойчивые и сложнее организованные экономические образования. При этом нельзя требовать, чтобы при всех преобразованиях мгновенно происходило общее улучшение всех показателей, в том числе интегрального показателя устойчивости, т. к. вероятностный механизм предполагает и неудачный исход при попытках (например, поголовное формирование коллективных собственников в сельском хозяйстве после 1930 г. в СССР). Важно, чтобы необходимые в подобном случае коррективы вносились достаточно быстро, в противном случае неудачная доктрина приведет к сложным процессам деструкции, как это бывало в истории многих стран. Сказанное выше позволяет переформулировать рассматриваемый нами вопрос следующим образом: каковы способы сигнализации об удачных (или неудачных) попытках формирования новой структурной единицы в экономике. Выше мы применили выражение «интегральный показатель устойчивости», хотя из литературы известно, что попытки использования таких показателей пока успехов не принесли [2]. Между тем, нам кажется, что высокую или малую успешность стран – базирования экономик можно отнести к первообразным понятиям (по выражению Н. Бора), которые не поддаются дальнейшему уточнению, хотя и могут быть подкреплены такими показателями как среднедушевой доход населения, продолжительность жизни и др.

Опыт подтверждает, что необходимо учитывать не только значения переменных в данный момент времени, но и историю страны со своей последовательностью неустойчивостей, т. к. информация о развитии экономической системы имеет и историческое измерение. Известно, что проблеме описания «архитектуры» национальных экономик предлагается рассматривать с точки зрения категорий «потребности и возможности производства» [5]. В некоторой мере с этим согласу-

ются наши представления о «точках роста», «историческом императиве», что приводит к необходимости признания многополярности в мировой экономике, несмотря на очевидные тенденции глобального характера. Таким образом, мировая экономика – это набор различных самоорганизующихся национальных экономик, с различными уровнями негэнтропии, конкурирующими между собой. Неравновесные процессы в каждой системе (национальной экономике) подчиняются присущим данной стране формам и сформировавшимся исторически структурам, многообразие которых еще дожидается своей формализации. Траектория эволюции этого многообразия зависит от источников сырья и энергии, мощности научно-культурных пластов. В систематизации этих факторов, видимо, заключается одно из решений описания эволюции национальных экономик на языке экономических категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юрьев В.М., Бабаян В.Г., Дзюба С.М. Конформационная подвижность и устойчивость экономических структур // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Естеств. и техн. науки. Тамбов, 2004. Т. 9. Вып. 4. С. 470-471.
2. Маевский В. Экономическая эволюция и экономическая генетика // Вопр. экономики. 1994. № 5.
3. Юрьев В.М., Бабаян В.Г., Дзюба С.М. Закономерности и антиэнтропийный механизм факторов роста в экономике // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. Естеств. и техн. науки. Тамбов, 2004. Т. 9. Вып. 3. С. 334-336.
4. Фань Чунъюн. Господдержка малых и средних предприятий в Китае // Вопр. экономики. 2002. № 7.
5. Ходов Л. О структуре малого бизнеса и особенностях его мотивации // Вопр. экономики. 2002. № 7.
6. Рудакова И. О применимости языка экономической теории и базовых экономических моделей для анализа Российской экономики // Вопр. экономики. 2001. № 12.
7. Орлов А. Перспективы развития малого предпринимательства в России // Вопр. экономики. 2002. № 7.
8. Пригожин И. От существующего к возникающему. М.: Наука, 1985.
9. Бартенев Г. Высокоэластическое состояние. Энциклопедия полимеров. М.: Сов. энциклопедия, 1972. Т. 1. С. 559-570.
10. Гратиа Д. Квазикристаллы // УФН. 1988. Т. 156. Вып. 2.
11. Маевский В. О взаимодействии эволюционной теории и ортодоксии // Вопр. экономики. 2003. № 11.
12. Рузавин Г. Самоорганизация как основа эволюции экономических систем // Вопр. экономики. 1996. № 3.

Поступила в редакцию 19 мая 2005 г.